

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Контора редакціи „Сибирской Жизни“ при магазинѣ П. И. Макушова открыта для справокъ и объявленій по дѣламъ газеты ежедневно (кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней) съ 9 до 11 часовъ утра и 6 до 8 час. вечера — Телефоны № 8.

Присылаемая въ редакцію статья и сообщенія должны быть подписаны фамилею ихъ автора съ обозначеніемъ его адреса. Рукописи въ случаѣ надобности, подписаны напечатаннымъ и сокращеннымъ. — Размеръ гонорара определяется по взаимному соглашенію редакціи съ авторомъ. Рукописи доставляемы безъ обозначенія условій вознагражденія, считаются безплатными.

Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи три мѣсяца, а затѣмъ могутъ быть подвергнуты уничтоженію, мелкія же изъ нихъ уничтожаются немедленно.

нается сценка, во время которой они незаметно поднимаются к двери и исчезают за ней.

Входит распорядитель лоббарда г. Шинкин.

Г. Шинкинъ (официальным тономъ): Считаю своимъ долгомъ доказать вашей милости, что съ началомъ Осени въ лоббардъ замечается наплывъ дѣтней одежды и, напротивъ, отливъ одежды теневой.

Осень (наставительно): Ужъ порадыте вы, г. Шинкинъ, для бѣдоты. Не забывайте, что городской лоббардъ не только коммерческое предприятие, но и благотворительное.

Г. Шинкинъ кланяется и уходитъ.

Въ дверяхъ показывается ражій дѣтина съ снѣрпатою физиономіею, на немъ баба, потрепанная софа, на головѣ шапочка съ порочащей изъ нея пачкой; изъ одной шнѣ бабій башмакъ, на другой—ранній галоси; въ рукахъ суконатая дубинка. Дѣтина входитъ въ комнату, подозрительно осматриваясь по сторонамъ.

Ражій дѣтина: Вотъ и я—Ванаса Каширъ! Душегубъ и Грохаль! Въ виду наступленія темныхъ ночей и моего поступленія на занятія квартиры, прошу въ помощь нашей врачесности о нападѣ моего сезона!

Осень (сентиментально): Чтось дѣлать? Всѣ есть хотятъ. Намъ, да не встрѣтся съ полиціей!

Ражій дѣтина (тифрено): Будьте благоволены: вы съ ней рѣдко встрѣчаетесь! Быстро приближается къ двери и, ловко вытолкнувъ изъ кармана Сентабра три вѣднѣхъ пятака, скрывается за дверью.

Въ двери вынимается четверть водки, обвивающаяся съ колодой карты.

Водка и Карты:

Томить, томить осенней скукой,

Привалъ на помощь насъ себѣ,

И мы—нашъ мѣзъ—сравлеченье

Пришли представится тебѣ!

Осень изъ угла съ шумомъ гонимъ Сентабра,

и посажій нисускаетъ въ двери гг. Каширъ-на и Аярова.

Г.г. Каширинъ и Аяровъ (подавая на водосъ Осени свой репертуаръ).

Вотъ-съ нашъ репертуарикъ? Не угодно-ли взглянуть?

Осень (бери и просматривая репертуаръ): Гаутманъ... хорошо... Чего... нехорошо...

Тригунъ Толстого... прескромно... Ну теперь

онъ (снова на вино и карты) подумайте!

(Къ гг. Каширину и Аярову) только выдержите ли? Не много ли вывалили себѣ на плечи?

Почему я, въ одномъ городѣ также труппа одна общалась много, да полъ коней и охотничьясь: дуэты, отъ перетолканія, закончались стали.

Выходитъ одинъ изъ «Сажованцевъ», въ спе- нѣ у фонтана, да и говоритъ: «Дождусь ее—и вытужу признание».

Кто, наконецъ, ей жалъ: Молчаливъ, Ска- лозубъ!»

Ну, конечно, «провалъ» былъ форменный...

Ташъ выдержите-ли, спрашиваю?

Г.г. Каширинъ и Аяровъ (тифрено): Выдержимъ, наша врачесность, будьте утѣрены!

Осень (растроганно): Отъ души желаю!

Входитъ дирекція драматическаго общества.

Осень (радостно): А! «Живъ курилка»?

Давненько и васъ не видали? Ну, что под- думаете? Все еще подволическая пробо- ланность?

Дирекція: Нѣтъ, наша врачесность! Рѣ- шили приналичъ на Островскаго. А то ужъ конфузно очень: нѣсто драматическаго-то подволическаго общества съ насъ вывалить стали!

Осень (наставительно): И подволяю! Не спорачивайте со своей дороги въ сторону. А вы на нѣтъ (снова въ Каширину и Аярова) посматривайте, тоже не забывайте,—пугаются у насъ кон-чужу жеметъ!

Директора, вѣвъ полъ руки Каширина и Аярова, направляются къ двери. Вино и карты, уступая нѣтъ дорту, сконфуженно спѣшатъ утѣ- жать.

Примѣ: кончался, и Сентабръ торжественно спускаетъ занавѣсъ.

(Слѣдующій приемный день у осени въ острѣ).

Р. С. Въ преддверіи «Маленькаго фельдто- ча» юно бѣло сѣлано нѣсколько при- чинай къ «разлеченію» «Сиб. Вѣст.». При- чинай эти не уцѣлѣли сѣлѣ по обстоятель- ствамъ, не зависящимъ ни отъ меня, ни отъ редакціи «Сиб. Жизн.».

В. О.

Маленькій фельдточъ

ОСЕНЬ.

(Составлено по мой родъ литературы—три- нхическійю оваломъ).

Дѣйствіе происходитъ въ г.Томскѣ 26 сен- табря 1900 года.

Сцена представляеть комнату, стѣны кото- рой обнесены дешовыми картинками и вѣстами порваными и выдѣланными обоями. На стѣ- нахъ тусклые зеркала и осеннія пейзажи изъ пододвинутыхъ потускнѣвшихъ рамъ. На противоположной ражій стѣнѣ—дверь. Въ глу- бокой сценѣ кресло, изъ который дремлетъ Осень,—дѣла неопредѣленныхъ лѣтъ, одѣтый въ строгое возмѣненное платье; правее ея, де- шовою расстегнутой, шалота булавкой изъ видѣ грудъ. На груди вѣсто брошки—по- галка. На ногахъ Осени глубокіе резиновые тапочки. Черезъ одну руку кресла перекинута резиновая плетка.

При поднятій занавѣсъ въ дверь входитъ Сентабръ,—хмурый мужчина, одѣтый въ ко- жаные сапожки и куртку; на ногахъ у Сен- табра грязные ботинки сапожъ. Онъ при- нимъ басомъ докладываетъ, что на улицахъ Томска неуродная грязь, что дождь лѣтъ безпрерывно, и что въ городѣ масса нево- зможныхъ эпидемическихъ заболѣваний. При- перхъ въ словахъ Сентабра Осень прося- щается и начинается внимательно слушать.

Сентябрь (продолжая свой докладъ): И такъ, ваша врачесность, вы вступили въ свои права, и я думаю, вамъ теперь самое время начать нашъ ежегодный приѣвъ.

Осень (вспучено): Простѣ!

Сентябрь, выгнувшись у порога, открыв- етъ одну половицу дверей.

Входитъ, одна вполча ноги, одошовная клѣва.

Водошовная клѣва: Матушка Осень, покажи ты мнѣ, голубушка,—нѣтъ силъ и вы- баласъ, родимая. Грязь у насъ неуродная, мостовыя—и того хуже. Не вынесу я, оло- дѣю гдѣ нибудь—на Магистратской.

Осень (оборачивая къ Сентабру): Попро- сите сюда г-жу Грязь.

Входитъ Грязь въ грязномъ платьѣ и съ еще болѣе грязными шаффею.

Осень: Ступай! Постарайтесь подвинуть нахъ косякъ наше, наше глубокихъ сапожъ «оттенъ, горада», наше нѣтъ волосокъ, въ крайнемъ случаѣ поднимаете до оконъ изъ квартиру и припротите, что если они не при- жмутъ противъ насъ и противъ разрушенія мостовыхъ выскочить жѣръ, вы знаете въ са- мыхъ ихъ квартиръ.

Грязь кланяется и направляется къ двери, оставая на полу грязный слѣды отъ своего шаффеа. За грязью выдвигается и Водошовная клѣва, покачивая отъ удовольствія своими об- дуристыми животомъ.

Входитъ Наскоръ, Тифъ, Бронитъ и другіе.

Наскоръ, Тифъ и К° (хорошо):

Наше царство начинается,

Лѣто мы поругались!

Ваша врачесность! Разрушеніе

Дайте намъ—нугоженіе

Прозвѣсть средъ томичей...

Осень (кратко громко): Доктора! Сюда скорѣй!

Вбѣгаетъ группа докторовъ и ассистеровъ.

Оседъ: Господа! Начинается наша «жизнь».

Не теряйте же дорогого времени, срочайтесь на нашихъ враговъ, но при этомъ не забывай- те, что эпидемическія заболѣванія въ подвер- жаются не одна боляца, а поточу...

Но доктора и ассистеры, не дослушавъ, бро- саются на Тифъ и К°, и между ними начи-